

Для
ГЕНЕРАЛА
ВИНОВНА

18+

Ати Майлик

Для Генерала Виновна

«Автор»

2026

Майлик А.

Для Генерала Виновна / А. Майлик — «Автор», 2026

— Отрубите руку моей жене! Она украла ваши часы, я сам видел! Муж предал меня, и теперь мое запястье прижато к изрубленному дереву плахи, а капитан стражи уже заносит тяжелый меч. По закону Арвексаля за кражу у власти — отсечение кисти на месте. ОДНОТОМНИК

© Майлик А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	5
2	7
3	9
4	11
5	13
6	15
7	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ати Майлик Для Генерала Виновна

1

— Отрубите руку моей жене! Она украла ваши часы, я сам видел!

Слова упали в шум, как камни в стоячую воду. Смех оборвался, кто-то поперхнулся, и в наступившей тишине стало слышно, как потрескивают дрова в очаге. Голос Бэндина не просто перекрыл пьяный гул таверны — он вошёл в меня ледяной иглой, остановив дыхание. Я не видела его лица — только чувствовала, как взгляды всех присутствующих впиваются в мою спину, будто острые ножи.

Пальцы онемели. Тяжёлая оловянная кружка выскользнула из моих рук и с оглушительным грохотом ударилась о дубовый стол, залив свежим элем изрезанную ножами столешницу. Кружка, казалось, падала целую вечность. Эль, светлый и пенистый, брызнул на моё платье, но я не почувствовала влаги — только холод, разлившийся по коже. Ледяная капля пота медленно скатилась по моему позвоночнику под шероховатой, вьёвшейся в тело тканью выцветшего корсета.

Бэндин стоял у стойки, уперев руки в бока. Он не двинулся с места. Только чуть повернул голову, обводя зал медленным, хозяйским взглядом. Так смотрит палач на толпу, собравшуюся поглазеть на казнь. Его засаленный сюртук из грубой шерсти пах пережаренным жиром, а в заплавленных глазах горела сухая, торжествующая злоба. От него разило кислым пивом и застарелым потом, но я знала этот запах слишком хорошо, чтобы обмануться: под ним прятался другой — запах грязных денег и мелких подлостей. Внутри меня всё сжалось от привычного, липкого страха. Страх был не нов. Он жил во мне с первого дня нашего брака, свернувшись клубком под ложечкой. Но сейчас он вырвался на свободу, заполнив каждую клетку. Я знала этот взгляд. Он долго вымещал на мне досаду за наш бесплодный брак, за то, что я не дала ему наследников, за каждую краюху хлеба, которую я доедала за его столом. Я помнила каждый его упрёк, каждую оплеуху, каждую ночь, когда он ворочался рядом, бормоча проклятия. Я не дала ему сына — и это было моим главным преступлением. Часы были лишь предлогом. Но сейчас в его лице не было привычного раздражения — только холодный, расчётливый гадкий умысел.

Перед ним возвышался капитан городской стражи Арвексаля. Выпятив грудь, в тёмно-синем мундире с потускневшими латунными пуговицами, он казался скалой, случайно забредшей в прокуренный зал. Мундир был тесен ему в плечах, ткань лоснилась на локтях, а воротник вьёлся серой пылью. Его пальцы в жёстких кожаных перчатках уже неторопливо ощупывали рукоять тяжёлого меча на поясе — не угрожающе, а буднично, как мясник проверяет нож перед разделкой. Он смотрел на меня сверху вниз, и в его взгляде не было ни злобы, ни любопытства — только привычная скука человека, которому предстоит сделать грязную работу.

— Бэндин, что ты говоришь?.. — мой голос прозвучал едва слышно, вырвавшись из сдавленного горла. Слова царапали гортань, будто я глотала толчёное стекло. Я сделала шаг назад, пока не уперлась лопатками в шершавую, покрытую копотью каменную кладку стены.

Холод камня просочился сквозь платье и корсет, но я почти не почувствовала его — внутри меня всё уже окаменело. — Какие часы? Я не трогала ничего...

— Заткнись, — отрезал Бэндин, даже не глядя мне в глаза. Он лишь слегка повернул голову к офицеру, и его губы искривились. — Нечего душой прикидываться. Городской патруль не для того сюда пожаловал, чтобы твои бредни слушать. Покажи карманы фартука. Или мне самому вывернуть твоё старье?

Он произнёс это так буднично, словно речь шла о грязной тряпке, а не о моей жизни. В голосе не было ни ярости, ни стыда — только сухая, отточенная годами неприязнь. Я узнала эту интонацию: так он говорил, когда отсылал меня спать без ужина, когда в очередной раз напоминал, что я — пустое место в его доме.

2

— Попридержи язык, женщина, пока я тебе его не укоротил, — сухо отчеканил капитан. Голос у него был привыкший к приказам на арвексальских виселицах, с характерным грязным цоканьем. Он не повышал тона, и от этого становилось ещё страшнее. — Офицер Горнивал де-Винтарлин недосчитался своих карманных часов. Твой мужёк ткнул пальцем в тебя. Досмотр.

При слове «досмотр» кто-то в глубине таверны коротко выдохнул. Я слышала, как скрипнула скамья, как звякнула кружка, поставленная на стол слишком осторожно. Пьяный гул стих, и теперь каждый звук падал в тишину, как монета в церковную кружку. Офицер Горнивал де-Винтарлин — грузный мужчина в камзоле с вышитым драконом, с багровыми пятнами на щеках — стоял у стойки и растерянно ощупывал свои карманы. Его пальцы дрожали. Он не смотрел на меня. Но я чувствовала на себе взгляды всех остальных: трактирщика с полотенцем в руках, двух матросов за дальним столом, старухи, что грелась у очага. Они ждали. Они уже видели, чем заканчиваются такие досмотры.

— Это ошибка... — я судорожно сжала пальцами льняную ткань фартука, чувствуя, как мелкая дрожь колотит плечи. Ткань была старой, в пятнах от жира и мыла, но сейчас она казалась мне единственной защитой. — Я только подносила жаркое. Я даже не подходила к господину офицеру. Бэндин... скажи им. Ты же стоял рядом.

Я повернулась к мужу. В груди ещё теплилась глупая, унижительная надежда: может, он одумается, может, это злая шутка, может, он просто хотел меня припугнуть. Ведь мы прожили бок о бок столько лет. За одним столом, под одной крышей, в одной постели. Он знал, что я не воровка. Он знал, что я не взяла бы и медной полушки.

Бэндин лишь сплюнул на испятнанный пол, прямо к моим старым, растоптанным башмакам. Плевок был густой, желтоватый, с примесью табачной слюны. Он растёкся по половице, коснувшись носка моего башмака, и я отшатнулась, хотя отступать было некуда. Бэндин даже не посмотрел на меня. Он смотрел на капитана, и в его глазах читалось торжество. Он всё рассчитал. Он ждал этого момента.

— Я видел, как твоя рука нырнула ему под отворот, — спокойно, с ледяным смаком произнес Бэндин. — Мне в доме воровки не нужны. Забирайте её, капитан. За кражу у власти — отсечение кисти на месте, таков закон Арвексалия.

Ужас прожёл меня изнутри. Не волной, не судорогой — раскалённым прутом, который вошёл под рёбра и остался там, медленно поворачиваясь. Горло сжало так, что каждый вдох становился подвигом. Захлёбываясь собственной беспомощностью, я запустила дрожащую руку в глубокий боковой карман фартука, чтобы вывернуть его наизнанку и показать, что там пусто — и мои пальцы наткнулись на холодный, тяжёлый металл. Корпус на толстой витой цепочке. Металл обжёг ладонь холодом, цепочка скользнула между пальцев, как маленькая змея. Я никогда не держала в руках ничего подобного.

Подбросил.

Одно слово вспыхнуло в голове и погасло, оставив после себя только пустоту.

Воздух окончательно покинул мои лёгкие. Взгляд Бэндина на мгновение пересёкся с моим — и в нём я прочла всё. Он смотрел на меня не как на жену, не как на человека, а как на старый долг, который наконец можно вычеркнуть. Я не могла вымолвить ни слова.

3

— Вот она! Держит их! — взвизгнул Горнивал де-Винтарлин, заметив, как замерла моя рука. Его голос сорвался на визг, багровые пятна на щеках вспыхнули ярче, а палец, непослушный и потный, указал прямо на меня. — Ворюга!

Он рванулся ко мне — грузный, потный, с перекошенным от торжества лицом. Я не успела даже отшатнуться. Его пальцы, липкие и горячие, вцепились в моё запястье, дёрнули с такой силой, что сустав хрустнул. Я вскрикнула, но он уже выворачивал мою ладонь, разжимая пальцы один за другим — грубо, как разжимают клешни краба. Цепочка скользнула, звякнув, и золотой корпус упал ему в руку. Он поднял его высоко, как трофей, и часы закачались на витой цепочке, поблёскивая в свете масляных ламп.

— Вот! Все видели! У неё! В кармане! — Он повернулся к толпе, к капитану, к стражникам, тыча часами в воздух. — Я говорил! Я знал! Воровка!

Я смотрела на свою руку — пустую, красную от его хватки, с побелевшими костяшками. Пальцы дрожали.

— Не надо... — прошептала я, отступая вдоль стены и выставляя перед собой дрожащие ладони. Каменная кладка царапала спину через платье, но я прижималась к ней всё сильнее, будто стена могла меня спрятать. — Пожалуйста, это не я... Бэндин, за что?..

Он не ответил. Даже не посмотрел. Только скривил губы, как человек, которому надоел назойливый шум.

— Взять её! — скомандовал капитан.

Двое дюжих стражников в железных колпаках рванулись ко мне. Я попыталась уклониться, метнулась в сторону, но тяжёлая ладонь в кожаной перчатке мёртвой хваткой вцепилась мне в плечо. Пальцы впились в ключицу, и я вскрикнула — коротко, беспомощно. В ту же секунду меня сбили с ног. Лицо больно впечаталось в грязные, липкие доски пола. В нос ударил запах пролитого эля, пыли и старой крови, въевшейся в щели между половицами. Кто-то ботинком наступил мне на лопатку, выкручивая правую руку за спину. Сустав хрустнул, и перед глазами вспыхнули белые пятна. Из моей груди вырвался глухой, удушливый стон. Я дёрнулась ещё раз — и замерла, чувствуя, как холодный металл часов всё ещё впивается в ладонь, будто насмехаясь надо мной.

— Вытаскивай её на свет! — приказал капитан. — На плаху у входа! Пусть весь квартал видит, как в Арвексале учат чтить собственность господ!

Голос капитана не был громким, но в нём было то особое звучание, от которого слова не тонули в шуме, а ложились поверх него, как клеймо. Он сказал это не мне и даже не стражникам — он сказал это таверне, улице, всему кварталу, чтобы запомнили.

Меня волокли по полу, как кусок ветоши. Выцветшая юбка задралась, обнажая сбитые о шершавое дерево колени. Затем меня выкинули из дверей таверны прямо в грязь и липкую слякоть арвексальского вечера.

В воздухе висел тяжёлый запах каменного угля, копоти и близкого гнилого канала. Из темноты улицы вырисовывались мрачные силуэты построек — узкие, рвущиеся в тёмное небо фасады из чёрного камня. Вокруг мгновенно собралась толпа. Она возникла бесшумно, будто из самих стен: торговка с корзиной, прижатой к груди; два портовых грузчика с мокрыми от пота рубахами; старик в рваном плаще; десятилетний мальчишка, которому украдкой я отдавала свой хлеб. Никто не кричал. Все смотрели. И в этом молчании было больше приговора, чем в словах капитана.

4

Стражники с силой швырнули меня грудью на дубовый кряж, служивший подставкой для разделки туш у входа. Правое запястье с треском прижали к изрубленному дереву. Дерево было старым, всё в глубоких зарубках и бурых пятнах, и я почувствовала, как в ладонь впились щепки. Щека легла на холодную, жирную поверхность, пропитанную запахом крови и требухи. Кто-то наступил мне на спину, чтобы я не дёрнулась. Я слышала собственное дыхание — короткое, сиплое, будто воздух проходил через мокрую ткань.

— Бэндин... — выдохнула я в грязь, пыталась разглядеть среди ног силуэт мужа. — Бэндин, не надо...

Он стоял на крыльце, сложа руки на груди, и с холодным, молчаливым любопытством смотрел, как меня готовят к наказанию. Я видела его сапоги — те самые, что чистила каждое утро; видела край его засаленного сюртука; видела, как он чуть повернул голову, чтобы лучше разглядеть лезвие. Он не отвёл взгляда. Не шагнул вперёд. Не сказал ни слова. Это молчание было хуже любого крика.

Капитан стражи обнажил меч. Тяжёлое, широкое лезвие блеснуло в тусклом свете масляных фонарей. Он перехватил рукоять двумя руками, примеряясь к суставу. На лезвии я заметила несколько зазубрин — следы прежних приговоров, — и от этой будничности у меня внутри всё оборвалось. Капитан прищурился, выдохнул сквозь зубы и чуть отставил ногу, устраиваясь удобнее. Он делал это не впервые. Для него это было не казнью, а работой.

В толпе кто-то шепнул: «Воровка». И слово прилипло ко мне, как грязь.

— Во имя коллегии магов и законов Арвексаля... — начал он.

Голос капитана звучал ровно, буднично, как у человека, произносящего формулу сотни раз. Он не торопился. Ему некуда было спешить — приговор уже вынесен, и весь квартал смотрел, как он его исполняет.

Я зажмурилась. Сердце колотилось где-то в горле, превращаясь в сплошной, оглушительный гул. Я слышала, как капитан делает вдох перед следующим словом. Я почувствовала, как холодная сталь легла на мою кожу, отмеряя дюймы. Лезвие было тупым на вид, но кожа под ним сразу онемела, будто уже согласилась с приговором. Дыхание перехватило. Я не могла даже закричать — голос застрял где-то глубоко, свернулся комком и затих.

— Опусть меч.

Голос прозвучал не громко, но он мгновенно рассёк шум толпы. В нём не было суеты — только ледяная, абсолютная уверенность существа, привыкшего повелевать одним движением брови.

Толпа ахнула — не разом, а вразнобой, будто каждый выдохнул отдельно. Капитан замер с поднятым оружием, и на его лице впервые за вечер промелькнуло что-то похожее на страх. Он не обернулся — не посмел. Только пальцы, сжимавшие рукоять, побелели.

Я почувствовала, как лезвие дрогнуло и медленно отползло от моей кожи. Капитан опустил меч. Стражник, державший меня за плечо, разжал пальцы, будто обжёгся.

А в наступившей тишине — звенящей, как натянутая струна — я услышала шаги. Неспешные. Твёрдые. По мокрым камням арвексальского вечера.

Я с трудом приподняла голову.

К пню неторопливо приближался мужчина. Высокий, с широкими плечами, обтянутыми в безукоризненно скроенный плащ из тёмной тяжёлой кожи с высоким стоячим воротником. Плащ не развевался — он лежал на плечах тяжело, как вторая кожа, и казался вырезанным из ночи. Его светлые, почти ледяные волосы были коротко острижены, а черты лица — выточенными из мрамора, не имеющими возраста. Ни морщин, ни складок, ни усталости — только холодная, совершенная гладкость. В его прозрачно-голубых глазах не было ни капли сочув-

ствия. Он шёл по мокрым камням, и каждый его шаг звучал отчётливо, как удар молотка по гвоздю. Толпа расступалась перед ним сама, без окрика, без приказа, — люди просто чувствовали, что стоять на его пути нельзя.

5

Я не знала его имени, не знала, кто он такой, но от одного его присутствия воздух вокруг будто стал тяжелее и холоднее. Меня пробрала дрожь — не от холода, а от чего-то древнего, инстинктивного, как у зверя перед грозой. Хотелось сжаться, стать меньше, исчезнуть.

— Господин генерал... — капитан стражи мгновенно побледнел, роняя меч острием в землю и инстинктивно склоняя голову. Голос его дал трещину, как лёд под сапогом. — Мы... мы караем воровку.

Мужчина остановился в двух шагах. На меня он даже не взглянул. Его взгляд скользнул по потерпевшему — тот вжался в стену, прижимая к груди цепочку, — затем по капитану. Он смотрел не на людей, а сквозь них, будто видел что-то за их спинами, что-то, что ему давно наскучило.

— Ты орёшь на всю улицу, капитан, — тихо произнес он, и в его тоне звучала опасная, едва сдерживаемая скука. — Мои лошади в экипаже нервничают от твоих воплей. Что здесь происходит?

Он сказал «лошади», но прозвучало это как «я».

— Часы, милорд! Эта женщина украла их у господина офицера! — замямлил капитан. Он говорил быстро, глотая слова, и тыкал пальцем в мою сторону, будто хотел отбросить от себя всякую ответственность. — Мы уже приговорили... по закону... отсечение кисти...

Мужчина чуть повернул голову. Его взгляд наконец опустился на меня. Я лежала на земле, задыхаясь от ужаса, и снизу вверх смотрела на него. В моём взгляде не осталось ничего, кроме застывшего немого моления о пощаде. Я не просила словами — не могла. Я просила глазами, всем своим существом, каждой ссадиной на теле. Незнакомец на секунду задержал на мне взор. Что он увидел? Грязную женщину, прижатую к разделочному пню, как туша? Или что-то другое? В его глазах не дрогнуло ничего — ни брезгливости, ни жалости, ни интереса. Он смотрел на меня так, как смотрят на пустое место, и от этого становилось страшнее, чем от лезвия у горла. Затем он перевёл взгляд на офицера.

— Молчать, — ровно произнес он. — Руку отрубишь позже, если доказательства не воняют гнилью. Офицер выглядит так, будто пропил свои часы сам, а теперь ищет, на кого свалить вину.

Голос генерала не стал громче. Он вообще не изменился — та же ровная, ледяная интонация, от которой слова падали в тишину и оставались там лежать, как камни на дне колодца. Но в этой тишине капитан стражи слышал больше, чем в любом крике. Он ещё ниже склонил голову, и я увидела, как на его шее, над воротником, выступила испарина. Меч так и торчал в грязи, и капитан не смел его вытащить.

— Но сэр!.. — пискнул потерпевший.

Он сделал шаг вперёд, прижимая к груди часы. Багровые пятна на его щеках пошли тёмными разводами, как пролитое вино на скатерти. Он хотел сказать что-то ещё — но не успел.

— Я не разрешал вам говорить, — не громко, но так, что у меня заложило уши, отрезал он. — Капитан, погрузить женщину в экипаж. Отвезти в комендатуру первого сектора. Я сам разберусь с этим, когда у меня будет время.

Слово «женщина» он произнёс так же ровно, как и всё остальное. Не с презрением, не с брезгливостью — просто как обозначение. Я была для него не женщиной, не воровкой, не жертвой. Я была предметом, который мешал движению и который нужно было убрать с дороги.

— Слушаюсь, милорд!

6

Капитан выдохнул это с такой поспешностью, что голос сорвался на хрип. Он махнул рукой стражникам — резко, нетерпеливо, будто хотел поскорее закончить неприятное дело. Горнивал де-Винтарлин открыл рот, но, встретив взгляд генерала, закрыл его и попятился к стене, вжимаясь в каменную кладку.

Генерал развернулся и, не произнеся больше ни слова, направился к стоящей неподалеку закрытой чёрной карете с серебряным гербом. Плащ тяжело колыхался за его спиной, и камни под его сапогами, казалось, становились чище. Он не спасал меня. Ему просто помешал шум. Я была для него лишь помехой на мостовой — грязным пятном, которое велели убрать, чтобы оно не мозолило глаза.

Стражники молча и грубо подхватили меня под мышки. Меня рванули вверх, но ноги не держали, и я повисла между ними, как мокрая тряпка. Колени волочились по камням, оставляя за мной тёмный след.

— Бэндин... — едва слышно выдохнула я, но муж уже отвернулся и поспешно уходил в глубь таверны, не обернувшись. Я видела только его спину. Он шагнул в дверной проём, и свет масляных ламп на миг очертил его силуэт, а потом поглотил. Дверь за ним захлопнулась. Он не обернулся. Ни разу.

Меня швырнули в железом окованный экипаж для преступников. Внутри пахло ржавчиной, прелой соломой и страхом — застарелым, въевшимся в дерево. Дверь с оглушительным стуком захлопнулась, погрузив меня в темноту. Загремел тяжелый засов. Кто-то снаружи провернул ключ, и металл лязгнул о металл.

Карета тронулась, подпрыгивая на неровных камнях мостовой. Колёса скрипели, рессоры стонали, и каждая выбоина отдавалась в моём теле.

Я сжалась в угол на холодном деревянном сиденье. Пальцы руки — той самой, что секунду назад должна была лежать отрубленной в грязи, — я лихорадочно прижала к груди. Дрожь пробивала всё тело. Ужас не ушёл, он просто сменился липким, удушающим ожиданием того, что будет дальше. Хуже всего была неизвестность. Отрубленная рука — это боль, которую можно понять. А комендатура первого сектора — это слово, за которым не было ничего, кроме темноты.

«Что теперь со мной будет? Как мне доказать невиновность?» — мысли путались, сменяясь воспоминаниями о той, прежней жизни. Виктория Майлина. Моё прошлое имя. Оно всплыло из глубины памяти, как пузырь из тёмной воды. Виктория. Женщина, которая жила в другом мире. У неё была квартира с окнами на парк, работа, кошка, привычка пить зелёный чай по утрам. У неё было тело, которое она знала до последнего шрама. А потом... потом был яд. Я вспомнила, как восемь лет назад умирала — медленно, в своём теле, в своей квартире. Слышала голоса врачей скорой, которые переговаривались надо мной, но не могли ничего сделать. Помню холодный пот, судороги, темноту по краям зрения. И последнюю мысль: «Не хочу». А потом — ничего.

Потом я открыла глаза уже здесь, в Арвексале, в теле Эвалии. Чужое тело, чужое имя, чужая жизнь. Я помню, как в первую минуту не могла пошевелить пальцами, как смотрела на незнакомые руки и не узнавала их. Я помню, как Бэндин — тогда ещё незнакомый мужчина — наклонился надо мной и спросил, жива ли я. Я кивнула, и он скривился, будто надеялся, что я умру. С того дня начался мой ад.

Зачем я попала в это тело? Чтобы сгнить в тюрьме из-за подлости Бэндина? Чтобы мою руку отрубили на грязной мостовой ради золотых часов, которых я не брала?

Ответа не было. Только стук колёс.

7

Экипаж ехал долго. Воздух в щелях становился всё сырее и холоднее. Я чувствовала, как холод пробирается под платье, под корсет, к самой коже. Пальцы онемели, но я не отпускала их — держала, как единственное, что у меня осталось.

Наконец, колеса загрохотали по чугунному мосту, и карета остановилась. Снаружи раздались сухие команды, загремели цепи. Дверь распахнулась.

Меня вытащили наружу.

Вокруг простирался мрачный внутренний двор здания из тёмно-серого камня, высящегося над рекой. Высеченные колонны уходили высоко в туманное небо, а на стенах в факелах горело синеватое, магическое пламя. Воздух пах сыростью, озоном и старым железом. Где-то внизу, за стенами, глухо шумела река.

Стражники, не произнося ни слова, потащили меня по длинному коридору. Шаги отдавались эхом от покрытых инеем стен. Я видела на камнях тёмные разводы, похожие на старые пятна крови, и старалась не смотреть на них.

Меня толкнули в узкую, тёмную камеру с одной лишь каменной скамьёй и тяжёлой железной решеткой вместо двери. Я упала на колени. Дверь закрылась.

Я осталась одна в ледяной темноте. Где-то в глубине коридоров капала вода, отсчитывая минуты до момента, когда за мной придут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.